

Дьердь Чепели

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ПОСЛЕКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВЕНГРИИ

1. Исторические, социологические и социопсихологические обстоятельства

Повторное обретение истории

Бывший советский диктатор Иосиф Виссарионович Сталин не раз заявлял, что "история принадлежит Богу". Трюизм этот приходился по вкусу всевозможным диктаторам на всем протяжении истории, но истина в нем, безусловно, отсутствует. Из этого суждения вытекает, что нынешние владыки володеют и правят надо всем, включая прошлое, настоящее и, следовательно, будущее. В случае самого Сталина этот вывод оказался несостоятельным. Несостоятельным он оказался и для коммунистических правителей Центральной и Восточной Европы. Существует много интерпретаций недавних резких перемен в Восточной Европе — "тихая революция", "бархатная революция", "переход от государственного социализма к капитализму" и т.п. Рассматривая эти изменения в связи с национальными проблемами, мы бы хотели интерпретировать их как процесс, итогом которого стало восстановление исторической непрерывности в Восточной Европе. В результате народы этой исторической пустоши вновь обрели свою историю.

Несомненно, что восстановление исторической непрерывности влечет за собой множество преимуществ, но в то же время цена его очень велика. Прошедшие четыре десятилетия государственного социализма можно рассматривать как нечто вроде мюнхаузеновской попытки из-

бавиться от тревог и печалей исторического наследия, где с избытком хватало межгрупповых конфликтов, ненависти, агрессии и предрассудков. Эта иллюзия управляемого коммунистами общества относительно избавления Восточной Европы от межнациональной вражды и межнациональных конфликтов трансформировалась в амбициозную программу модернизации в сталинском духе — с нуля, с внеисторического "чистого листа". Обещаны были социальная справедливость, равенство, развитие разнообразнейших человеческих ресурсов и международное взаимопонимание. Ввиду отсутствия подходящих способов реализации этих благих намерений, социалистическая мечта переродилась в тоталитарный кошмар негативной модернизации¹.

Сейчас многие действующие лица и обозреватели восточноевропейской сцены полагают, что все нужно начинать заново, отсекая будущее развитие от 1945-1989 гг. С их точки зрения, весь восточноевропейский регион — это просто арена возрожденных национальных конфликтов, где следует четко различать те силы, которые провозглашают нацию высшей ценностью, и те, которые сбрасывают идею нации со счетов.

Сегодня вновь усматривают противоречия между прогрессом национального развития, в центре которого — формирование независимых национальных государств, и прогрессом социального развития с такими фокусами как установление политической демократии, классовой структуры, основанной на равенстве возможностей, и рыночной экономики. На деле эти противоречия являются характерной чертой вновь обретенного исторического наследия.

Но правомочна и точка зрения, что прошедшие четыре десятилетия тоже принадлежат истории, и что при всей их противоречивости они все же оказали на восточноевропейские общества определенное формирующее воздействие. В большинстве тех стран, о которых идет речь, выросли поколения, не подвергавшиеся воздействию открытой

националистической и социальной демагогии. Процесс социалистической пролетаризации полностью разрушил остатки предшествовавших полуфеодальных и полукapиталистических путей пролетаризации. На стадии, предшествовавшей государственному социализму, социальная структура восточноевропейских стран с характерным для нее огромным неравенством и всепроникающей несправедливостью была унавоженной почвой для национализма, антисемитизма и злобы по отношению к любым меньшинствам.

При социализме вирус межгрупповых конфликтов мог и не измениться, но круг его возможных носителей сузился. Парадокс социалистического периода в восточноевропейской истории состоит в том, что не удалось построить обещанное постбуржуазное общество справедливости, но был достигнут успех в устранении остатков феодального прошлого и одновременно — в непреднамеренном стимулировании процесса обуржуазивания², который, в конечном счете стал решающим фактором окончательного краха социалистического эксперимента. Этот "блудный сын" социализма, воплощенный во второй экономике, каких-то ограниченных сферах рыночной активности, потреблении, автономии частной жизни и гражданских движениях взаимной поддержки, убил своего "отца", чьим воплощением были планируемая распределительная экономика, однопартийное правление и тотальный контроль над обществом³.

Уровень обуржуазивания в восточноевропейских странах весьма различен. Чем более высокое место занимала данная страна на шкале социалистического обуржуазивания как противоположности социалистической пролетаризации, тем более заметна тенденция к мирному и ненасильственному переходу к послекоммунистической фазе. Цель состояла в том, чтобы догнать западные страны, уже давно вступившие на путь позитивной модернизации, используя для этого структуры рыночной экономики, парламентскую демократию и классовое общество с сильным средним классом в его центре.

Национальное чувство

Природа национального чувства изучалась и обсуждалась много, и редко отрицался тот факт, что группы, определяющие себя и других в терминах национальных различий, являются продуктами относительно поздней стадии исторического развития⁴.

Само слово "нация" ни в коем случае не ново, но как обозначение высшей категории, позволяющей множеству людей идентифицировать себя в качестве определенной целостности, оно было неизвестно до французской революции 1789 г. Эту дату мы принимаем как рубеж перехода от традиционной социальной организации к современности. Во время этого перехода новые ценности — свобода, собственность, равенство — и предназначенные для их воплощения институты, такие как парламентская демократия, рынок и классовое общество, обесценили прежние категории самидентификации в качестве средств легитимизации нового общественного порядка. В этом новом порядке участники экономической и политической деятельности с противоположными интересами стали воспринимать друг друга вне рамок традиционных общностей. Единственной надежной основой для формирования нового коллективного самосознания стал класс. Однако противоречивая природа такого способа самоотжествления была сильнейшим препятствием формирования законопрядка, требовавшего более спаянного коллективного самосознания. Традиционные способы самоотжествления, осмыслявшиеся в терминах общности религии, области или города проживания, сословия, профессии и т.п., уже были частично или полностью утрачены, и их психологическая сила в значительной степени истощилась. Следовательно, категория национальности может рассматриваться как попытка заполнить расширяющийся вакуум легитимизации. Национальность осталась единственным критерием, служащим в качестве "общего знаменателя" для всех общественных групп и обеспечивающим чувство общности и основу для политического и социального консенсуса.

В обыденных проявлениях национального чувства очень легко обнаружить неявное допущение, что нация есть "естественная группировка". Использование этого допущения можно с уверенностью связать с общими характеристиками обыденного знания, основанного на "естественном" отношении к окружающему миру, который люди обычно принимают в качестве чего-то само собой разумеющегося и от природы "данного". Но по отношению к нации это предположение нуждается в тщательном изучении. Скрупулезный исторический и социологический анализ показывает, что подход к нации как естественной группе — это урок, усвоенный в результате соответствующей индоктринации и социализации. Прежде всего следует выяснить роль глубинных национальных идеологий в формировании естественного отношения к нации.

Национальная идеология

Национальные идеологии могут быть классифицированы по роли в них биологических и органических корней национального существования. Такого рода аргументы ни в коей мере не являются выдумками, преднамеренным обманом или, если использовать марксистскую терминологию, продуктами "ложного сознания". Они основаны на этноцентрической национальной привязанности, подчеркивающей происхождение, родной язык, культурные ценности и нормы, которые отделяют "своих" от "чужих". В контексте феодального общества миф об этнической природе нации был монополизирован господствующим сословием, не всегда имевшим те же этнические корни, что и социальные слои, которыми оно повелевало. Этнические характеристики не могли играть основополагающей роли в формировании социального самосознания и акцентировались другие категории, такие как религия, статус, территория, занятие.

Эти только что перечисленные категории потеряли свою правовую и психологическую эффективность в итоге политической демократизации (которая сама была про-

изводной от более широкого процесса модернизации), в результате чего этнические критерии вышли на первый план. Развитие этого процесса облегчалось тесной связью этнических корней с языком и культурой. Когда классические языки, такие как греческий и латынь, утратили свою центральную роль в функционировании политических, правовых и культурных общественных институтов, каждая европейская страна оказалась перед необходимостью выбора своего собственного языка для продолжения соответствующей литературной традиции. Естественно, в каждом случае выбранный язык нуждался в усовершенствовании, но он широко использовался для устного и иного общения в данной местности. Однако в большинстве случаев местных языков было несколько, и все они, за исключением избранного, должны были подвергнуться ограничениям.

Если исходить из этих посылок, то можно дифференцировать предложенную выше двучленную типологию национальной идеологии. В европейских странах к западу от Рейна категория нации как имени общности родилась на основе предшествовавшего экономического, социального, культурного и политического развития. Определенное в национальных терминах единство фиксировало фактическое положение дел, достигнутое благодаря наличию устойчивых административных, правовых и культурных институтов. Эти нации можно охарактеризовать как нации, *имеющие свои государства*. Поэтому они меньше нуждались в национальной идеологии для обоснования этноцентрического наследия. Было достаточно легитимизации уже существующих властных отношений в терминах современной политической идеологии, акцентирующей такие ценности как собственность, свобода и равенство.

Другой путь национального развития реализовался преимущественно к востоку от Рейна. В этом регионе идея национального единства оказалась скорее желанной целью, для осуществления которой недоставало соответствующих экономических, политических, социальных и культурных оснований. Здесь идея нации в своем появлении опередила

установление надлежащих национальных институций, и возникающая национальная идеология вынужденно апеллировала к таким элементам этноцентрического наследия как происхождение, культурные ценности и культурные нормы. Более того, вследствие полного или частичного отсутствия надлежащих автономных национальных институций (таких как столица, глава государства, правовая система, международно признанные границы, таможенные службы, армия, полиция, почтовая служба, академия наук, система образования и т.п.) этот тип национальной идеологии проявился прежде всего в поиске фикций и символов. Измышляемый таким образом национальный образ создавался путем исторических и этнографических изысканий, через литературу, живопись и скульптуру. Этот тип национальной идеологии можно классифицировать как организованный вокруг идеи нации, определенной в терминах культуры — в противоположность ранее рассмотренному типу нации, определенной в терминах государства.

Однако нельзя рассматривать культурный национализм исключительно как средство романтического или поэтического выражения национальности. Выражая заинтересованность в соответствующем экономическом и социальном развитии, он был одной из мощных сил модернизации, побуждая членов данной нации добиваться воплощения мечты о полномерном национальном государстве.

Третий тип национальной идеологии находит свои обоснования в сфере права и политики. В формировании таких наций этническое наследие не играет роли, поскольку их единственной основой является писаная конституция, и принадлежность к нации определяется исключительно в терминах гражданства безотносительно к этническому происхождению, религии или культурной самоидентификации граждан.

Эти идеально-типологические варианты национальных идеологий, укорененные в различных исторических траекториях национального развития, не следует считать

взаимоисключающими. Все они перемешаны, и какие-то черты каждой из них можно обнаружить во всех прочих. Национальные идеологии различаются в той мере, в какой они соответствуют какому-то из этих трех идеальных типов.

Запас знаний о национальной принадлежности

Осознание национальной принадлежности или национальной общности как современный способ самоидентификации можно представить как комплекс аффективных и когнитивных компонентов³. Формирование этого психологического комплекса есть результат национальной социализации в соответствии с господствующей моделью национальной идеологии. В его основе лежит *спонтанное осознание национальной общности*, вера в которую позволяет идентифицировать себя и других в терминах национальной принадлежности. Допущение естественной и самоочевидной природы нации также неотделимо от спонтанного осознания национальной общности, что характеризуется гордостью за свою нацию и предпочтительным отношением к ней и ее членам, принимаемым без возражений их подобием и сходством и столь же решительно принимаемыми различиями между членами этой нации и всеми остальными, к ней не принадлежащими. Психологическая важность спонтанного осознания национальной общности связана с поведенческим потенциалом, проявления которого завянут от ситуационных переменных национального контекста. Исторический опыт показывает, что предубеждения против данной нации, враждебные акции и агрессия сильно повышают вероятность такой поведенческой реакции, которая обостряет национальную самоидентификацию. Сходный эффект дает ситуация, когда большие массы отождествляются с другими социальными категориями, что порождает психологическую неуверенность. Однако это ощущение неуверенности может быть легко ослаблено посредством апелляции к национальной принадлежности. Национальные символы и ритуалы обычно вызывают спонтанные поведенческие реакции соответствующей национальной окраски. Встречи с иностранцами и

постоянное либо временное пребывание за границей также заметно стимулируют национальную идентификацию.

Способность категоризировать, иначе говоря, именовать или классифицировать, какие-то измерения окружающего мира как "национальные" есть результат включения в действие спонтанного осознания национальной общности. Это было бы невозможным без некоторых символов, определяемых национальной идеологией и рассматриваемых как выражение самой "сути" данной нации. Эта символика включает множество сюжетов из области географии, этнографии, психологии, морали, эстетики, культуры, политики, экономики и истории. Определенные в терминах национальной идеологии эти сюжеты создают соответствующий образ мира и тем облегчают передачу информации о связанных с национальным существованием фактах и ценностях.

Символика и сюжеты, формирующие национальный опыт, широко варьируются в зависимости от типа национальной идеологии, но типизация имеет место в каждом случае. В итоге создаются национальные прототипы и стереотипы, что делает мир данной нации видимым и ясным для тех, кто отождествляет себя со своей национальной группой. Кроме того, во многих случаях роль этих продуктов сознания выходит за рамки простого восприятия действительности. Будучи усвоены, они не только отражают национальную окружающую среду, но фактически творят ее. Типизация ведет не только к суждениям описательного свойства, но и к определениям того, что "типично" и что нетипично для национального характера, что, в свою очередь, порождает суждения о "нормальности" и отклонениях от нее.

Вероятностные суждения, порожденные надеждами и опасениями относительно исторического выбора, доступного данной нации в ее прошлом, настоящем и будущем, организуют этот опыт, завершая создание национальной сцены, занимающей типизированное национальное географическое пространство (отечество), где актеры (соотечественники) действуют во времени (история нации).

Культивируемые национальной идеологией ценности определяют в каждой сфере национального существования, что именно с национальной точки зрения подлежит одобрению, а что — осуждению. Усваивая эти ценности, члены национального сообщества развивают национальные склонности и предпочтения, определяющие их суждения и действия в экономике, политике, культуре и обыденном существовании во всех тех случаях, когда на повестку дня выходят жизненные проблемы национального существования.

Этот обзор компонент национального сознания, создающих познавательный арсенал данного национального сообщества, будет неполным, если не упомянуть когнитивные структуры, способствующие интерпретации и разъяснению вопросов национальной географии, социологии, психологии, морали, культуры, политики и истории. Для заинтересованной в сознательном участии в национальных делах личности главными средствами познания в этом случае становятся процедуры *оценки, дихотомизации, приписывания характеристик, компенсации и сравнения*. Для использования этих познавательных средств требуются значительные объемы *фактического знания*. В данном случае, однако, фактическая информация имеет лишь подсобное значение, поскольку цель состоит не в получении корректных и точных оценок, а в формировании когнитивно сбалансированной и свободной от неувязок и противоречий системы национальных убеждений и верований. В итоге формируется слепое и жесткое самовосприятие, сочетающееся с оправданием и защитой предвзятых воззрений на роль своей нации в международных делах. Существует, однако, много примеров противоположного рода. Способность подмечать противоречия, готовность к обсуждению относящихся к национальному существованию суждений, терпимость и способность встать на точку зрения другой стороны, определенная степень "интернациональной сопричастности" — все это следствия такой организации познавательных структур, которая допускает определенную степень когнитивного диссонанса. В зависимости от типа национальной идеологии содержание и структура наци-

онального самосознания меняется в широких пределах; кроме того, они характерным образом распределены по различным социальным группам. Социологический статус, измеренный образовательным уровнем, родом занятий и уровнем социальной мобильности, является, судя по всему, главной переменной, влияющей на относительно простые или усложненные формы и структуры национальной идентификации. "Широкая аудитория", которой адресованы эти призывы, восприимчива главным образом к сигналам спонтанного осознания национальной общности. Такая аудитория рекрутируется из всех социальных слоев. С другой стороны, имеется и "специальная аудитория", способная не только воспринимать, но и производить и распространять новые содержательные компоненты сознания национальной общности. А между этими двумя полюсами имеется еще "слушающая аудитория", размеры которой увеличиваются или уменьшаются в зависимости от реальной потребности в информации, относящейся к национальной судьбе.

II. Две парадигмы осознания национальной общности: "сообщество" и "общество"

Опыт венгра

В Венгрии национальное самосознание изучалось по опросам общественного мнения с 1969 г. Началось это исследование общественного мнения после попыток реформ в 1968 г., целью которых был переход к современным социотехнологическим способам управления обществом и каким-то формам рыночной экономики. Эти социологические исследования выявляли такие проявления спонтанного осознания национальной общности как этноцентризм; эмоции; национальные автостереотипы; национальные гетеростереотипы; представления о венгерских национальных меньшинствах за рубежом — в Чехословакии, Австрии, Югославии, Румынии и в Советском Союзе; восприятие сообщений средств массовой информации, относящихся к национальной сфере. В масштабах страны были сформированы выборки представителей взрослого населения и молоде-

жи; вопросы респондентам задавали специально подготовленные анкетеры. Результаты этих обследований либо вообще никогда не публиковались, либо была опубликована лишь их незначительная часть. Доступ к ним имели только высокопоставленные партийные и государственные чиновники, которые на деле проявляли мало интереса к научным обследованиям национального самосознания венгров.

Эти обследования показали, что националистические настроения у венгров ярко выражены⁴. Очень многие (82—94%) принимают положительные и отвергают (87—93%) негативные суждения о своей стране и ее народе. Большинство респондентов выказало ощутимую гордость тем, что они венгры. При этом национальная гордость в Венгрии оказалась куда слабее, чем в США или в Ирландии, но сильнее по сравнению с Нидерландами. Ответы взрослой группы и молодежи в основном совпадали, но у молодежи национальные чувства проявлялись несколько слабее. Учащиеся старших классов обнаруживали свой этноцентризм, принимая позитивные и отвергая негативные стереотипы, относящиеся к их стране. Совершенно иной характер принятия и отклонения тех же самых стереотипных утверждений был продемонстрирован по отношению к другим странам — Словакии, Румынии, Польше и т.п. Молодежь проявила меньший по сравнению с взрослой группой оптимизм относительно своего национального существования, но в обеих группах было велико число воздержавшихся от ответов и пессимистов. Жители Будапешта с более высоким уровнем образования вошли в число наиболее пессимистично настроенных респондентов. Люди старших возрастов, жители деревень и менее образованные респонденты дали более позитивные и менее амбивалентные ответы на вопросы, относящиеся к национальным особенностям, чем молодые респонденты, горожане и люди с высоким образовательным уровнем.

Изучалось и восприятие респондентами причин успехов и неудач Венгрии. Вошедшие в общенациональную выборку респонденты объясняли успехи нации наличием сильных союзников и национальной солидарностью. Что касается не-

удач, то их объясняли силой противников, их упорством и наличием у них могущественных союзников; таким образом, ответственность за исторические трагедии переносилась на других и устранялся познавательный диссонанс. Более образованные, более заинтересованные и урбанизованные респонденты проявили меньшую склонность к таким объяснениям поражений, они выделяли их моральные или психологические аспекты. Общей оказалась тенденция видеть в Венгрии пассивного участника исторических событий. Когнитивная компенсация небольших территориальных размеров страны проявляется у венгров по следующей схеме: "Наша страна мала, но у нее есть огромные достижения и она породила великих людей". Эта когнитивная схема "огромных достижений при малых размерах страны" является мощным компенсационным фактором, противодействующим усилиям средств массовой информации обучить венгров, как им следует оценивать славу, значение и достижения своей нации.

Обследование выявило устойчивый и растущий интерес жителей Венгрии к положению венгерских национальных меньшинств в Югославии, Австрии, Чехословакии, СССР и особенно в Румынии, где проживает самое крупное из таких меньшинств. Обеспокоенность судьбой венгров за рубежом, в которых видят жертв антивенгерской дискриминации, является существенным признаком утверждения национального самосознания.

Результаты обследований подтверждают, что венгерское национальное самосознание выжило и с усилением кризиса системы государственного социализма стало серьезным политическим фактором, который не одолели пропагандистские кампании "социалистического патриотизма" и "интернационализма", на деле являвшиеся попытками денационализировать граждан Венгрии. Венгры были разгневаны сообщениями о планах Николае Чаушеску разрушить 6—8 тысяч деревень в Трансильвании, среди которых было множество поселений, основанных в далеком прошлом и населенных венграми (всего в Румынии около 2 млн. венгров).

Венгерское общество возмущали сообщения о закрытии венгерских школ, о лишении исторических городов их бывших венгерских имен, о разрушении кладбищ и памятников с целью искоренения венгерского сознания в Трансильвании.

Летом 1988 г. прошла крупная антирумынская демонстрация — она была неофициальной, но режим явно был не в состоянии предотвратить ее. Весной 1990 г. в Венгрии впервые после 1947 г. были проведены свободные выборы. Основным фактором, обеспечившим победу консервативного демократического форума, стала кровавая расправа в Тыргу-Муреш над местными жителями, принадлежащими к трансильванскому венгерскому меньшинству. Живущий там Андраш Шуте, один из крупнейших венгерских писателей наших дней, был серьезно ранен и наполовину потерял зрение. Однако переход Венгрии от государственного социализма к посткоммунистической фазе не помог найти лекарство для ущемленного национального самосознания. Новое правительство оказалось неспособным улучшить положение венгерских меньшинств в соседних странах. Очевидно, что его риторическая активность предназначена лишь для внутреннего потребления. С другой стороны, по мере того, как росло число нерешенных задач (приватизация, маркетинг, экономическая ориентация на Запад, инвестиции в инфраструктуру и развитие людских ресурсов и т.д.) и возникали новые внутренние проблемы (осознание некомпетентности правительства, безработица, инфляция, загрязнение среды обитания, снижение показателя продолжительности жизни, бедность широких масс, политическая апатия, невежество и бесцеремонность новой политической элиты и т.п.), уменьшалась насущность вытекающих из национальной идеологии разногласий и споров (кого считать венгром, а кого нет; отвечает ли глава венгерского правительства за судьбу венгерских национальных меньшинств за рубежом; можно ли оправдать участие Венгрии во второй мировой войне в союзе с гитлеровской Германией против Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании и т.д.). При государственном социализме венгерскому обществу или, по меньшей мере, существенной его

части (молодым, образованным, квалифицированным и активным гражданам), был преподан урок прагматизма и выживания. Маловероятно, что они забудут этот урок, несмотря на все более антикоммунистические и националистические лозунги правящей коалиции⁷. Упор в газетах и других средствах массовой информации на вопросы национальной идеологии, похоже, не вызывает особого интереса и поддержки. Проведенные осенью 1991 г. выборы в местные органы власти закончились убедительной победой либеральной оппозиции. Трудно удержаться от предположения, что венгерское общество настроено более либерально и менее этноцентрически, нежели его нынешнее правительство.

Интеллектуалы и национальное сознание

Обследования национального самосознания показывают, что главными факторами, определяющими природу и тип национальной привязанности, являются уровни образования и социальной мобильности. Знанием фактов истории, экономики, культуры и географии и умением интерпретировать фактическую информацию в контексте национальной идеологии располагает лишь меньшинство населения, а именно элитарные группы интеллектуалов, обладатели престижных профессий, политики и лидеры общественного мнения. Это, конечно, без особого риска предсказуемый результат. Интеллектуалы всегда играли ключевую роль в развитии национальной идеологии. В Венгрии, как и в большинстве стран Восточной и Центральной Европы, включая и Германию, именно *пишущие люди* (писатели, священники, "пророки") разрабатывали и распространяли национальную идеологию, выстраивая ее вокруг норм, ценностей и стандартов культуры, морали и психологии, в то время как в странах, где государство и нация совпадали, содержание национальной идеологии определяли профессионалы в терминах политических целей, юридических прав и экономических задач.

Возникает вопрос, в какой степени распространены в среде венгерских интеллектуалов эти два типа национального

самосознания — первый, ядром которого служит идея культурного национализма (это тип "сообщества" — *Gemeinschaft*), или второй, основанный на идее государственного национализма (тип "общества" — *Gesellschaft*). Для ответа на этот вопрос в 1983 и 1989 гг. были проведены специальные обследования⁸. В обоих случаях выборки респондентов составлялись из выпускников университетов. Объем выборки 1983 г. был 600 человек, 1989 г. 671 человек. При формировании выборок учитывались такие переменные как возраст, религия и социальная мобильность. Было выявлено существенное влияние второй и третьей переменных на природу национального самосознания. Второе обследование установило заметный крен респондентов к более четким и поляризованным ответам. Для определения глубинных идеологических парадигм в спонтанном национальном сознании использовались разнообразные вопросы.

Измерение уровня спонтанного национального самосознания

Многие респонденты объясняли свое чувство принадлежности к венгерской нации, ссылаясь на национальную категорию как средство их самоопределения или определения их гражданства. Другие для аналогичного объяснения выбирали (что характерно) обстоятельства рождения: место рождения, национальность родителей, родной язык. Такое же разделение выявлялось при указании критериев, позволяющих отнести человека к венгерской нации. Некоторые респонденты предлагали любого человека, считающего себя венгром, принимать в качестве такового. Выражалась и иная точка зрения, когда принадлежность к венгерской нации ассоциировалась преимущественно с происхождением или родным языком.

В анкету включили и вопросы о национальном и европейском самосознании. Некоторые респонденты утверждали, что для них национальная лояльность важнее принадлежности к европейской общности, которую они воспринимали как нечто туманное и отдаленное. У других,

напротив, доминировала приверженность европейскому самосознанию, а лояльность к нации в качестве основного и устойчивого средства самоидентификации для них была сомнительной. Некоторые характеризовали национальную гордость как свободное от противоречий и сбалансированное национальное чувство, у других чувство гордости по поводу того, что они венгры, смешивалось с чувством стыда, становясь амбивалентным. Встречались респонденты, в сознании которых происходила когнитивная компенсация экономической, социальной и исторической слабости Венгрии путем признания ее "великой державой" в области шахмат, охоты, филателии, гастрономии и т.п. Часто проявлялось стремление вообще избегать ответа на этот вопрос. В то время как некоторые респонденты утверждали, что и при наличии свободы выбора они остались бы венграми, другие в этом плане проявляли нейтральное или безразличное отношение.

Ответы о вероятности ассимиляции венгерских меньшинств за рубежом — в Румынии, Словакии, Сербии, на Украине и в Австрии — были субъективны и весьма различны. Ранжированность вероятности ассимиляции отражала интенсивность национального чувства: при сильной преданности своей нации не принималась возможность ассимиляции венгров другими национальными группами. Обнаружилось, что часть респондентов смотрят на будущее венгерских меньшинств за границей с изрядным пессимизмом — они заявляли, что их зарубежные соплеменники в конечном счете будут поглощены своим национальным окружением. Другие респонденты считали полную ассимиляцию венгерских меньшинств невозможной и предсказывали их национальное и культурное выживание, в какой бы стране они ни жили. Респондентов просили также оценить численность венгров во всем мире. Многие дали точные цифры, но оказалось необходимым четко отделить давших завышенные оценки от тех, кто недооценил численность своих земляков.

Наконец, изучалось отношение к венгерскому на-

циональному гербу. Национальные символы, включая герб, играют важную роль в формировании национального сознания. В 1989 г. венгерское общественное мнение решительно поддержало замену герба с непопулярной советской символикой, навязанного стране системой государственного социализма, на один из традиционных гербов. На выбор были представлены два варианта, между которыми общественное мнение разделилось. В одном случае гербовая символика выражала республиканские и революционные традиции страны (лотарингский крест, красные и серебряные полосы), в другом была добавлена корона первого венгерского короля Святого Стефана, что символизировало консервативную традицию, связанную с историческим венгерским королевством. Вряд ли нужно добавлять, что парламент, в котором господствует коалиция, состоящая из венгерского демократического форума, партии мелких собственников и христианских демократов, сделал выбор в пользу герба с короной.

Измерение уровня идеологического национального сознания

Кроме спонтанного осознания национальной общности изучались структуры и содержание идеологического национального сознания. Используемая для этого анкета состояла из 60 слов, представлявших шесть тематических групп: политика, культура, экономика, психология и мораль, общество, история. Предполагается, что в любом конструировании национального сознания именно эти темы играют главную роль. Респондентам предстояло решить, насколько значимыми были содержащиеся в анкете слова в национальном контексте. Они должны были ответить, обладают ли какой-то значимостью и релевантностью с их национальной точки зрения такие выражения как "венгерское лицо", "венгерская судьба" или "венгерская кровь". Список слов, чаще всего идентифицировавшихся в качестве значимых и релевантных по отношению к семантическому пространству "венгерского", выявил преобладание понятий, относящихся к политике и культуре. Наиболее предпочитаемыми по-

литическими терминами оказались "независимость", "конституция", "государство" и "свобода". Самыми предпочитаемыми культурными понятиями являются "наука", "литература", "искусство" и "школа". Однако во главе списка предпочитаемых слов оказалось слово "интеллектуалы". Его можно считать отражением профессиональных достижений и самоотождествления респондентов. С другой стороны, этот результат показывает, что в венгерском национальном самосознании сохранилась традиционная идеологическая значимость понятия "интеллектуал". Небезинтересен и список наименее предпочитаемых слов. Среди них — "отечество", "крестьянин", "прошлое", "почва", "менталитет", "судьба", "настоящее". Это все семантически "пустые" слова, как и "превосходство", "форма", "кровь", "лицо", "герой", "миссия", "ценность". Похоже, эти слова отошли вместе с полной романтизма и этноцентризма идеологией былых времен. Слова "социализм", "кооператив", "профсоюз", "сталь" также не вызвали ответных реакций, что можно интерпретировать как закат идеологии государственного социализма. Шестью годами ранее, в 1983 г., эти слова вызывали куда больше значимых ассоциаций в контексте национальной идеологии. Анализ первичных семантических компонентов ответов выявил три характерные структуры. *Первый первичный компонент* состоял из слов, относящихся к таким понятиям как "экономика", "политика" и "общество". Во *второй первичных компонент* вошли слова "психология", "мораль" и "культура". Наконец, *третий* состоял из терминов "ортодоксально этноцентрической национальной идеологии".

Для выявления идеологического национального самосознания изучалось отношение респондентов к ныне живущим и уже умершим известным личностям. Установлено, что отношение к такой личности является главным ориентиром в формировании национального идеологического мышления. В анкету были включены имена хорошо известных и популярных писателей, историков, журналистов, эссеистов, политиков, представляющих характерные направления в венгерской политической традиции (демократы, социалисты, популисты, национал-социалисты, коммунисты).

Большинство респондентов избегало указаний на представителей обоих крайних флангов политического спектра — коммунистов и национал-социалистов. Четко выявились три структуры, отражающие давние традиции представлений венгров о природе венгерской нации — "интеллектуалы-популисты", "городские интеллектуалы" и "интеллектуалы—национал-демократы".

Респондентов просили оценить степень близости Венгрии к другим европейским странам в экономике, политике, культуре, искусстве, истории и привычках обыденной жизни. Выявились два основных образца для сравнений: сопоставления делались со странами, входившими в свое время в Австро-Венгерскую империю, и с небольшими западноевропейскими странами.

Относительно будущих экономических и культурных успехов Венгрии выявились три типа вероятностных суждений. В образе национального будущего превалировал культурный оптимизм, экономический оптимизм и экономико-культурный пессимизм.

Респондентам были представлены три версии определения национального суверенитета — максималистская, оптимальная и минималистская. Большинство высказалось за оптимальный вариант. Идея ограниченного суверенитета оказалась приемлемой лишь для 7% респондентов 1989 г. (в 1983 г. ее приняли 26%).

Румынию и Чехословакию респонденты воспринимали в качестве стран, конфликтующих с Венгрией. Как источник конфликта с Румынией чаще всего называли дискриминацию венгерского национального меньшинства. Что касается Чехословакии, то респонденты видели источник конфликта в плане строительства огромной и дорогостоящей гидроэлектростанции на Дунае, в одной из красивейших венгерских ландшафтных зон. В 1989 г. обе эти страны, как и сама Венгрия, были членами Организации Варшавского договора, иначе говоря, ее военными союзниками. Напротив, ни одна из стран НАТО, с точки зрения венгерских респондентов, не

рассматривалась как источник возможного конфликта.

В повествовательных схемах национального исторического сознания доминировали сценарии поражений и отсутствуют победные сценарии. Большинство респондентов оценили Трианонский договор, заключенный после Первой мировой войны, как самую глубокую травму во всей венгерской истории. В 1989 г. это мнение разделили 78% респондентов, в 1983 г. — только 64%. Более ранние обследования вообще не содержали этого вопроса, поскольку для коммунистических идеологов проблема Трианона была табу и не подлежала публичному обсуждению.

Большинство респондентов отрицательно оценило участие Венгрии во Второй мировой войне. В итоге этого участия сотни тысяч венгерских евреев были либо уничтожены в самой Венгрии, либо депортированы в нацистские концлагеря. Согласно воззрениям большинства респондентов, правительство нацистской Германии и немецкие оккупационные войска виновны в геноциде. Меньшинство же придерживалось мнения, что ответственность за массовые убийства венгерских граждан-евреев должна быть возложена на венгерское правительство и венгерскую жандармерию.

Анализ мнений респондентов об обстоятельствах, которые способствовали историческим и экономическим успехам или неудачам их страны, выявил различия в оценках причин национальных достижений и провалов. Успехи нации объяснялись преимущественно ее моральными и психологическими достоинствами и добродетелями, т.е. внутренними и непостоянными факторами. Неудачи объяснялись невезением, различными бедами и несчастьями, неблагоприятными геополитическими обстоятельствами и вечным национальным одиночеством (стабильные внешние факторы).

Национальные идеологические профили

Выявленные обследованием данные о спонтанном и идеологическом национальном самосознании были под-

вергнуты кластерному анализу. В итоге удалось идентифицировать пять кластеров. Два (кластеры А и Е) демонстрировали согласованные и отличающиеся одна от другой модели национального самосознания, остальные — кластеры В, С и D — несогласованные и не обладающие выделенными характеристиками осознания национальной общности. Поскольку исходная выборка респондентов не была репрезентативной, представленные этими кластерами идеологические типы, пожалуй, являются более важным научным результатом, чем данные о численном распределении выявленных кластеров среди респондентов.

Модель "общества" в национальном сознании (кластер А)

Для этого кластера характерно осознание национальной общности, возникающее в контексте национального государства. Этот контекст свободен от спонтанных и аффективных характеристик естественной национальной сопричастности. Нация здесь выступает в качестве демократической политической целостности. В соответствии с этой схемой венгерская национальная история выглядит как цепочка крупных неудач, последняя из которых — период государственного социализма. Важной задачей является интерпретация их устойчивых внешних причин (таких как советская оккупация и отсутствие поддержки Запада) и причин внутреннего порядка, например, недостаточное экономическое развитие и отсталость социальной структуры.

Оптимистическое национальное сознание (кластер В)

На основе спонтанной и естественной национальной идентификации можно выявить позитивные вероятностные суждения относительно будущего венгерской нации. В формировании этой модели национального сознания важную роль играют культурные факторы, такие как язык, литература, исторические труды, искусство и образование. По этой схеме Венгрия воспринимается как ведущая страна центральноевропейского региона, приверженная выбору треть-

его пути, который осознается как нечто промежуточное между социализмом и капитализмом. Это идеологическое предпочтение, однако, свободно от догматизма, что подтверждается выбором респондентами антипопулистски настроенных референтных индивидуумов.

Эмоциональное сознание (кластер С)

Этот кластер отражает спонтанную естественную национальную идентификацию, являющуюся психологическим следствием национального самоотождествления. Это наивная версия национального самосознания, поскольку она не признает важности политических и правовых связей в национальном самоотождествлении. Глубина аффективных компонентов коррелирует с простотой когнитивных компонентов национальной ориентации. Структура когнитивных компонентов несогласованна. Однако же несогласованность этой системы национальных взглядов и убеждений не выявляется через реакции субъектов.

Национальное сознание низкой интенсивности (кластер D)

Эта модель не содержит характерных особенностей спонтанного и идеологического осознания национальной общности. Нация здесь воспринимается как социально-психологическая общность, объединенная культурными традициями, облегчающими общение между теми, кто считает себя членами данной общности.

Национальный идентитет типа "сообщества" (кластер E)

В этой модели национального самоотождествления происходит уравнивание элементов спонтанного осознания национальной общности и сюжетов, ориентаций, верований и ценностей культурного национального самоотождествления (этническая чистота и выделенность, фольклор, культурные традиции, литература, искусство, язык, национальный характер, специфическая демократичность венгров, заданная соответствующими культурными предписаниями, и т.п.). На фоне национального увядания позитивные альтернативы концентрированного морального

и психологического действия рассматриваются в этой модели как средства самозащиты.

Каковы базисные социологические переменные, объясняющие эти кластеры? Существенным индикатором был возраст. Младшие респонденты чаще принадлежали к тем кластерам, где национальное самосознание воспринимается как результат правовой и политической включенности в национальную группу. Старшие респонденты чаще принадлежали к тем кластерам, где доминировали традиционные, культурные объяснения национального самосознания. В среде венгерских интеллектуалов роль главных независимых переменных национального самосознания играли *религиозные корни и социальная мобильность*.

Мы не располагаем, однако, данными относительно религиозной принадлежности респондентов, поскольку попытки получить соответствующую информацию наткнулись на нежелание давать искренние ответы. Что же касается религиозных корней респондентов, то они фиксировались по сообщаемым ими сведениям относительно религиозной принадлежности их бабушек и дедушек. Еврейское происхождение увеличивало вероятность национального самосознания типа "общества". Респонденты еврейского происхождения обнаружили склонность к кластеру С, для которого характерен акцент на эмоциональные и самоприписываемые компоненты национального отождествления. Респонденты христианского происхождения не проявляли тенденции к национальному самосознанию типа "общества". Протестанты представляли разделяющими модель национального самосознания типа "сообщества", а некоторые из них принимали наивную версию национального самоотождествления. Католицизм коррелирует с более высокой вероятностью принадлежности к кластеру В (национальное сознание низкой интенсивности).

Функциональные следствия социальной мобильности выражены в меньшей степени. Интеллектуалы первого поколения (чьи родители не принадлежали к интеллектуальным кругам) с меньшей частотой демонстрировали

национальное сознание типа "общества". У этой категории интеллектуалов чаще встречается эмоциональная национальная идентификация. В Венгрии роль интеллектуала, конечно, требует принятия устоев идеологического национального самосознания, и интеллигенты во втором или третьем поколении с большей вероятностью усваивают одну из таких моделей.

Таблица I. Религия и кластеры осознания национальной общности

	<u>Евреи</u>	<u>Протестанты</u>	<u>Католики</u>	<u>Всего</u>
"Общество"	45	23	32	100
Оптимистический	9	48	43	100
Эмоциональный	25	49	26	100
Низкой				
интенсивности	11	38	51	100
"Сообщество"	9	47	44	100

Доля представителей данной религиозной группы, в %

19	41	40	100
----	----	----	-----

Таблица II. Социальная мобильность и кластеры осознания национальной общности

<u>Поколения</u>	<u>Первое</u>	<u>Второе</u>	<u>Третье</u>	<u>Всего</u>
"Общество"	15	38	47	100
Оптимистический	20	40	40	100
Эмоциональный	33	42	25	100
Низкой				
интенсивности	24	52	24	100
"Сообщество"	29	33	38	100

Доля представителей данной группы мобильности, в %

24	40	36	100
----	----	----	-----

Как показывает изучение совместного воздействия на национальное сознание религиозных корней и социальной мобильности, спонтанный и естественный опыт принадлежности к венгерской нации впечатан в различные идеологические контексты, которые могут быть прослежены как восходящие к различным социокультурным традициям. Национальное самосознание типа "общества" изначально восходит к социализации в еврейской среде, независимо от уровня социальной мобильности. Этот род национального самосознания остается частью политической традиции, передающейся из поколения в поколение. Национальное самосознание, характерное для интеллектуалов христианского происхождения, можно охарактеризовать как изначально несущее эмоциональную нагрузку. Этот тип идентификации постепенно заменяется осознанием национальной общности типа "сообщества", более распространенным у интеллектуалов во втором и третьем поколении, нежели среди интеллектуалов, вышедших из семей рабочих, крестьян или мелких собственников.

Категория национального самоотождествления может рассматриваться как плавильный котел для всех индивидуумов, идентифицирующих себя с этой категорией. Тем не менее, психологическая однородность не стирает следов прошлых культурных связей. Типы национальной идеологии, обозначенные ярлыками "общества" и "сообщества", можно рассматривать в качестве конкурирующих парадигм национальной идентификации. Если такая конкуренция осуществляется на базе плюралистических и демократических политико-идеологических структур, она может вести к мирному сосуществованию альтернативных программ национальной модернизации. Если же отсутствуют условия для открытого и свободного обсуждения национальных проблем, то возникает опасность, что конкуренция между альтернативными парадигмами национального самосознания приведет к наклеиванию ярлыков, поискам козлов отпущения, взаимоотторжению, нетерпимости и предвзятости среди сторонников различных парадигм. Такое развитие событий способно породить порочный круг

взаимонепонимания между Венгрией и ее соседями, сталкивающимися с теми же проблемами в попытках определить свое осознание национальной общности. В свете нынешних идеологических и политических событий в Венгрии и во всей Центральной Европе трудно надеяться, что удастся избежать развития опасных процессов конкуренции и соперничества как внутри отдельных стран, так и между ними, если только на смену угрожающему наследию разрушительных конфликтов не придут взаимное понимание, сотрудничество, обмен товарами, услугами, информацией и людьми между этимистранами.

Примечания

¹ E. Hankiss, R. Manchin, L. Fustos, Szokolczai. *Modernisation of Value Systems: Indicators of Change in Cross-Cultural Comparisons*. In Melischek, G. - Rosengren, K. - Stappers, J. (eds), *Cultural Indicators: An International Symposium*. 1984, Wien. pp. 462-472.

² I. Szelenyi. *Socialist Entrepreneurs. Embourgeoisment in Rural Hungary*. Madison: The University of Wisconsin Press. 1988

³ Там же.

⁴ J. Szucs. *The Historical Regions of Europe*" in John Keane (ed.) *Civic Society and the State*. 1988, pp. 291-332.

⁵ A. Smith. *The Ethnic Origins of Nations*. London. Blackwell, 1986.

⁶ G. Csepele. *Structures and Contents of Hungarian National Identity. Results of Political Socialization and Cultivation*. Frankfurt/New York. Peter Lang, 1989.

⁷ E. Hankiss. "In Search of a Paradigm", *Dadealus*. Winter 1990, pp. 183-214.

⁸ Оба исследования национального самосознания интеллектуалов были выполнены Центром по изучению массовых коммуникаций при поддержке Института истории и Института изучения Венгрии Венгерской Академии наук, а также Института социологии имени Лоранда Этвеша в Будапеште. Второе исследование (1989 г.) было осуществлено при участии научного сотрудника Центра по изучению массовых коммуникаций (переименованного в Венгерский институт по изучению общественного мнения) Тибора Завеца.